

Марк
Еленин

СЕМЬ
СМЕРТНЫХ
ГРЕХОВ

Марк
Еленин

СЕМЬ
СМЕРТНЫХ
ГРЕХОВ

РОМАН-ХРОНИКА

СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
1986

ББК 84.Р7
Е 50

Художник МИХАИЛ НОВИКОВ

Еленин М.

Е 50 Семь смертных грехов: Роман-хроника.— Л.: Советский писатель, 1986.— 784 с.

Полное крушение русской белогвардейщины, крах всех честолюбивых планов ее вождей, судьбы простых русских людей, вовлеченных в деникинско-врангелевскую авантюру,— тема романа Марка Еленина «Семь смертных грехов».

Исторические факты и авторский вымысел дают широкую и достоверную картину конца гражданской войны, судьбы белой армии в Турции и на Балканах.

Особое внимание уделяет автор первым шагам советской дипломатии, ее исторической победе на Генуэзской конференции.

Е $\frac{4702010200}{083(02)} - 355$ 46—86

ББК 84.Р7

© Издательство «Советский писатель».
1986 г., состав.

Книга
первая

ИЗГНАНИЕ

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

«Заявление князей Российского императорского дома

*Романа Петровича,
Андрея Александровича,
Дмитрия Александровича,
Ростислава Александровича,
Василия Александровича.*

Ноябрь 1976 года

Мы — члены императорской фамилии, родившиеся до отречения от престола императора Николая II, протестуем против самовольного поступка князя Владимира Кирилловича, который присвоил мужу своей дочери Марии Владимировны — принцу Францу-Вильгельму Прусскому незаконный титул русского великого князя.

Мы также протестуем против решения князя Владимира Кирилловича провозгласить свою дочь единственной наследницей престола, предвидя начало новой династии Гогенцоллерн-Романовых. Такие намерения мы считаем посягательством на права членов рода Романовых, судьбу которого мы должны оберегать.

*Князь Роман Петрович
Князь Андрей Александрович
Князь Дмитрий Александрович
Князь Ростислав Александрович
Князь Василий Александрович».*

**«Сообщение собственной главы
Российского императорского дома
походной канцелярии:**

...Недавно состоялось присоединение его королевского высочества принца Франца-Вильгельма Прусского к православной русской вере через священное таинство миропомазания. При принятии православия принц Франц-Вильгельм наречен Михаилом Павловичем. В Российском императорском и царском доме не раз встречается имя Михаила, начиная с родоначальника династии царя Михаила Федоровича.

Начальник походной канцелярии г р а ф В у и ч.

«В Мадриде состоялось бракосочетание ее императорского высочества российской великой княжны Марии Владимировны с его императорским высочеством принцем Михаилом Павловичем Прусским. Присутствовали: король и королева испанские, король итальянский, царь болгарский с царицей и царицей-матерью, король албанский с королевой и королевой-матерью, глава германского императорского и прусского королевского домов принц Луи-Фердинанд, вдова и дочь генерала Франко».

«Российский общевойсковой союз» доводит до всеобщего сведения, что по случаю годовщины основания Добровольческой армии на Юге России будет отслужено благодарственное молебствие....»

(Газета «Русская мысль», 1976 год —
цитируется по журналу «За рубежом»,
1977, № 5)

«Готовясь к войне против СССР, гитлеровцы особое место в своих преступных планах отводили организации шпионажа и диверсии... Гитлеровской разведке помогали в подборе и подготовке шпионских кадров и попытках создать антисоветское подполье в нашей стране «Российский фашистский союз» (РФС), «Российский общевойсковой союз» (РОВС) и другие белогвардейские организации...

Боевые операции Ленинградского и Прибалтийского фронтов подходили к завершению. Сдавались в плен солдаты капитулировавшей курляндской группировки противника. В те дни в одном из населенных пунктов сержант Кириллов задержал подозрительного человека в штатском и привел его к начальнику отдела контрразведки 92-го стрелкового корпуса майору Григорьеву.

— Предъявите документы,— сказал тот.

Задержанный, молодой еще человек, молча протянул какие-то бумажки на немецком языке.

— Ваша фамилия... — удивился майор, читая документы.

— Да, моя... Врангель.

— Вот-те на! — воскликнул сержант. — Не сынок ли того барона времен гражданской войны?

— Сынок не сынок, а близкий родственник, — ответил чекист.

Задержанный был племянником белого генерала барона Врангеля и сыном крупного помещика, до 1917 года владевшего имением Торосово под Петроградом. Вырос он в эмиграции на чужбине, воспитывался в антисоветском духе, в 1939 году в Брюсселе вступил в белогвардейский «Народно-трудовой союз», откуда перешел на службу к фашистам, в ведомство Розенберга. В 1942 году Борис Врангель появился в городе Острове, под Псковом. Официально он числился служащим торгового общества по снабжению германских войск продовольствием. Фактически же являлся платным сотрудником абвера, точнее — помощником резидента зондерштаба «Р» в Острове, выявлял партизан и подпольщиков и доносил о них по начальству через курьера зондерштаба «Р» Залесского, тоже старого члена НТС. В последние месяцы войны Борис Врангель бежал с отступающими гитлеровскими войсками, но застрял в Курляндии. Здесь и попался.

(«В поединке с абвером. Документальный очерк о чекистах Ленинградского фронта», Л., 1974, с. 308—309).

«Народно-трудовой союз» родился из РОВСа («Российский общевойсковой союз»). РОВС был создан 1 сентября 1923 года. Во главе его стал генерал Кутепов. Это была федерация разнообразных эмигрантских воинских организаций — от двадцатитысячного «Союза галлиполийцев» до «Союза ахтырских гусар», насчитывающего... 17 человек. Кутепов рьяно возрождал «дух белой армии»: чинопочитание, строжайшую дисциплину и безоговорочное выполнение приказов, соблюдение всех полковых праздников, присутствие на молебнах и панихидах. Пять отделов РОВСа дислоцировались во Франции, Германии, Чехословакии, Польше, Югославии. Генерал Добровольский представлял организацию в Финляндии. Эмиссары РОВСа были в Персии и даже на Дальнем Востоке.

Кутепов сколачивал группы для засылки в СССР. Он сам разрабатывал задания, маршруты, обеспечение курьерской связи, пароли. От диверсионных актов против большевиков за рубежом он перешел к терактам и шпионско-диверсионной деятельности групп, засылаемых в Россию...

«Декларация чинов бывших белых армий к войскам белых армий»

Серые сумерки бездарного самодержавия, завершившиеся скандальной распутиновщиной, бессмысленная, ненужная, кровавая бойня во имя чужих интересов на театре Европейской войны — вызвали в России Февральскую революцию...

Мы, очутившиеся в стане белых с самого начала бессмысленной гражданской войны, сразу оторвались от нашей родины, потеряли всякую связь с нашим народом и, толкаемые в новые авантюры, невольно творим позорное дело измены против родного народа.

Не наученные горьким опытом Новороссийска, где мы видели только заботу наших бывших начальников и правителей только о себе и своем добре, еще в Крыму, под влиянием односторонней лживой информации, мы полагали, что творили великое национальное дело. На самом же деле помогали Польше в захватных стремлениях отторгнуть искони принадлежавшее русскому народу достояние Российского государства.

Ныне в изгнании, в более спокойной обстановке, за границей, узнав и испытав лично трудовую жизнь чернорабочего и эксплуатацию его труда в современном капиталистическом государстве и ближе ознакомившись с истинным положением в России, мы поняли грубую ошибку борьбы против родного народа и весь ужас содеянного нами. Здесь, за границей, мы увидели всю лживость «осважной» печати и пришли к сознанию, что в течение всего периода кровопролитной гражданской войны мы вкладывали свой предательский меч в зиявшие раны родины, мешая ей восстать со своего страдальческого ложа. Наступил третий год с тех пор, как последний выстрел гражданской братоубийственной войны заглох в Крыму. Мы за границей — бесправные беженцы.

За этот период уже изжиты непосредственные впечатления гражданской войны, и русский народ первый протягивает руку прощения эмигрантам, открыв широкую дорогу на родину нам, вольно и невольно обманутым сынам, которые искренне сознали свои ошибки и честно готовы послужить новой России.

Солдаты, казаки и офицеры белых армий!

Мы, старые ваши начальники и соратники по прежней службе в белой армии, призываем вас всех честно и открыто порвать с вождями белой идеологии и, признав существующее на родине правительство СССР, смело ехать на родину.

Ориентируясь на кого угодно, только не на интересы родины, Врангели, Кутеповы и прочие вожди белого движения ищут только случая, чтобы послать вас вновь творить кайново дело

против родины в союзе с врагами России — на новую авантюру, чтобы восстановить свое прежнее положение и власть помещиков и капиталистов.

Боевые наши соратники!

Каждый лишний день нашего прозябания за границей отрывает нас от родины и дает повод международным авантюристам строить свои предательские авантюры на наших головах. Мы должны решительно отмежеваться от этого низкого и подлого предательства нашей родины и всякого, у кого не заглохло чувство любви к отчизне, призываем быстрее присоединиться к трудящимся России...

Ни одного солдата, казака, офицера на новую авантюру против России!

Да здравствует СССР! Да здравствует РККА!

Генералы: Клочков, Зеленин,

Секретев, Гравицкий...

Полковники (подписи)

Войсковые старшины (подписи)

Сотники (подписи)».

(Газета «Новая Россия», 1923 год — цитируется по книге И. Лунченкова «За чужие грехи», М.— Л., 1925. с. 175—182)

Глава первая

ЮЖНЫЙ БЕРЕГ КРЫМА. ВИЛЛА «БЕЛЬВЕДЕР»

1

Генерального штаба генерал-майор Вадим Николаевич Белопольский, выйдя в отставку с правом ношения мундира, уехал из Петрограда в Крым и поселился в отдаленном местечке между Форосом и Симеизом, где купил землю и построил дачу, чтобы поправить здоровье внучки Ксении, которую любил более всех на свете. Вадим Николаевич выглядел моложе своих семидесяти — высокий, поджарый, ширококостный, с четким профилем римлянина и длинной, расчесанной надвое пышной бородой, делающей его похожим на прославленного генерала Скобелева. Все мужчины в роду Белопольских отличались здоровьем и жили долго. Прадед Вадима Николаевича, тоже генерал и убежденный холостяк, выйдя в отставку, взял в жены крепостную, красавицу, которая, расстаравшись, родила ему четырех сынов и, видно, прибавила своей мужичьей крови в загустевшую дворянскую

кровь: род князей Белопольских, захиревший было, стал развиваться, расти, давал отечеству и престолу добрых солдат и весьма сановных — без лести — царедворцев. А вот женщин в роду было мало. Все они отличались завидной красотой, умом, но слабым здоровьем, редко кто из них в замужество вступал, а уж роды не переживали точно. Разделила крепостная крестьянка свою силу и красоту поровну: мужчинам — силу, женщинам — красоту и слабость. И стало это как проклятье.

Лишь Ксения Белопольская будто бы опровергла фамильную эту традицию: росла крепким и резвым ребенком, умела плавать, скакала на лошади, участвовала в охотах. Окружавшие ее с детства мужчины — дед, отец, братья, дядя — души в ней не чаяли. В воспитании Ксении преобладало мужское начало. Мать свою, Ольгу Михайловну, урожденную баронессу фон Дихтгоф, она вообще не помнила: та умерла, дав жизнь Ксении, которую выходила кормилица Арина, привезенная в Петербург из смоленского поместья. Ольга Михайловна, по рассказам отца и деда, была женщина не светская, но очень образованная. Она окончила естественный факультет Высших женских курсов профессора Герье, любила историю и поэзию. Балы не любила, могла стать фрейлиной, но предпочла тихие домашние занятия и заботы. И замуж за отца Ксении, Николая Вадимовича, тогда помощника статс-секретаря, вышла охотно, легко отказав до этого кавалергарду и свитскому офицеру. Замужество оказалось удачным: поощряемый и направляемый женой, Николай Вадимович быстро делал карьеру. В Петербурге про него говорили с прибавлением обязательного эпитета «преуспевающий». Перед мировой войной князь Николай Белопольский имел уже чин статского советника, возглавлял ряд департаментских комиссий, почти догнав по гражданской линии своего отца генерал-майора. Были у него два сына, дочь и изрядное состояние. В начале войны с германцами он вдруг «полевел», стал «октябристом» и известным думским деятелем, последователем Гучкова и Родзянко, оратором и публицистом. Теперь к эпитету «преуспевающий» столь же обязательно прибавился другой — «анархистствующий», что звучало как ругательство. Хорошо, сыновья не нуждались уже в протекции и поддержке отца. Старший — Виктор, окончивший кадетский корпус и Павловское юнкерское училище, служил при штабе Киевского военного округа, в лейб-гвардии казачьем полку, был на хорошем счету. Младший — Андрей — кончал Горный институт. Ксения — вся в мать! — не больно-то увлекалась балами и приемами и тоже фрейлиной не стала, а поступила в ученицы Школы поощрения искусств, деля общество «бог знает с какими проходимцами». Ксения повзрослела вдруг и была удивительно хороша — высокая, стройная, белокурая, со смуглым лицом и го-

лубыми глазами. К гордости деда, от женихов отбоя не было. И вдруг, как гроза с ясного неба,— частые простуды, недомогание, слабость, боль в груди, а затем и внезапно открывшаяся болезнь легких. Врачи, целый год не покидавшие дом князей Белопольских на Малой Морской, исследовали мокроту, но коховских бацилл, к счастью, не нашли. Однако говорили: малокровие, расстройство нервов, грудь у девочки слабая, сырой климат Петербурга ей противопоказан, надо на юг, на воды, виноград, кумыс — к теплему морю. Вот дед и обрек себя на добровольное изгнание. Это произошло еще в канун войны. С тех пор дед и внучка не возвращались в Петербург, о всех событиях знали по рассказам и из противоречивых газетных сообщений, а «мирное время» и «нарушение порядка» ассоциировались у них лишь с шикарным купе первого класса поезда из Петербурга,— как они по-прежнему называли Петроград,— ходившего нерегулярно.

Небольшая двухэтажная дача в духе русских усадеб начала века стояла не под Смоленском или Вязьмой, где ей более пристало, а над Черным морем. Здесь, западнее Симеиза, горная гряда подступала к берегу, поднимаясь над ним отвесной стеной. Пологий терренкур, обсаженный с двух сторон молодыми кипарисами, и сто три крутые ступеньки, вырубленные в скале, вели к морю, к маленькой песчаной бухточке, затерявшейся среди серо-красноватых каменных глыб — обломков древних горных обвалов и оползней. Округа была малолюдная. Главное севастопольское шоссе лежало севернее, в горах, и выходило к Байдарским воротам. Основная масса состоятельных и знатных людей селилась на побережье значительно восточнее, в Кореизе, Ореанде, Ялте, поближе к царствующим особам. Наиболее удобные под застройку и разбивку парков участки были именно там и уже в начале века стоили баснословно дорого. Впрочем, быстро дорожали все крымские земли. Вадиму Николаевичу просто повезло: немец Штеймер, разорившийся нефтепромышленник, чувствовавший приближение войны, решил быстро ликвидировать свои русские дела и вернуться в Vaterland. Они поладили, и князь Белопольский стал владельцем райского уголка. Доктор Вовси из симеизской частной туберкулезной лечебницы, который был приглашен для постоянного наблюдения за Ксенией, утверждал, что здесь — одно из самых теплых мест, что продолжительность солнечного сияния, количество тепла в году, температура морской воды — все это значительно превосходит другие курортные места Крыма.

Аркадий Львович Вовси, маленький, лысый и шуплый, стерильно чистый и, как казалось Ксении, холодный даже в самый жаркий день, появлялся в их доме еженедельно. Он приезжал в легком шарабане, которым сам управлял, по нижней проселочной дороге и обычно оставался ночевать. Это была особая

процедура, целый ритуал, — его придерживались все по молчаливому уговору, возникшему сам по себе неизвестно когда и вносившему какое-то разнообразие в уединенную жизнь Белопольских. Доктор привозил кипу свежих газет и журналов, сладости, купленные по заказу Ксении у знаменитого симеизского грека-кондитера Маноса, новые ноты, полученные из Ялты. Доктор долго мылся с дороги. Затем готовился к врачебному осмотру, который начинал с подробной беседы об аппетите, самочувствии, сне и сновидениях, прогулках, купании, музыкальных экзерсисах и прочем. Его холодные цепкие пальцы методично выстукивали Ксении грудь и спину. Его белый матово-блестящий череп, от которого отражалось солнце, неизменно настраивал пациентку на веселый лад. Она начинала улыбаться и с трудом сдерживала смех, но доктор Вовси ничуть не обижался и тоже начинал улыбаться, потому как его рекомендации приносили пользу и лечение шло хорошо. Он советовал почаще спать на свежем воздухе и начать наконец лечение виноградом — виноградотерапию, оказывающую на чахлах петербургских девушек чудодейственное влияние.

После осмотра наступало время обильного обеда. Старый генерал был отменный гастроном и хлебосольный хозяин. Он и здесь, вдали от Петербурга, никогда не краснел за свою кухню, любой неожиданный визит не мог застать его врасплох: одним из первых его строительных объектов был вместительный ледник и винный погреб.

После обеда мужчины отдыхали, покуривая и лениво беседуя, а Ксения, взяв мольберт, уходила в парк на этюды. Парк был громадный и запущенный. Говорили, Штеймер очень увлекался им, выписал даже садовника из Италии: хотел, чтоб его парк хоть и в миниатюре ничем не уступал Воронцовскому парку в Алушке. Было высажено много субтропических деревьев — агавы, олеандры, пробковые дубы, веерные пальмы. Многие из них погибли. А хвойные деревья прижились. Только не росли. Остались маленькими — меньше человеческого роста, кривыми и резко наклоненными в сторону моря, на юг. Наверное, из-за северного ветра, дующего с гор. Летом в парке было душно. Стойко стоял густой запах разогретой хвои и тамариска. Он заглушал запах цветов. Ксения не могла долго находиться здесь: у нее кружилась голова, рука становилась нетвердой. И каждый раз без сожаления бросала она неоконченную акварель и торопилась на свежий воздух, к любимой своей скале. Отсюда открывался прекрасный вид на море, и уже из-за одного этого стоило жить здесь, в забытой богом и людьми дыре...

Вечерами, после купания и до ужина, собирались в гостиной. Ксения музицировала, чтобы доставить удовольствие деду. Муж-

чины играли в карты. Арина, кормилица, сорокалетняя статная женщина, кажущаяся двадцатипятилетней — щекастая, высокогрудая, с белой шеей и пышной косой, обернутой венцом вокруг головы, — плела кружева на коклюшках. Спать ложились рано. И вставали рано. После завтрака доктору подавали шарабан, запряженный отдохнувшим и хорошо накормленным конем, и он уезжал — тихо исчезал на неделю, — маленький человечек, словно гномик, появившийся из скальной расщелины.

Иногда приезжал отец. Самоуверенный, деловито-гордый, проповедник конституционной монархии. Еще реже навещались братья Виктор и Андрей. Как-то приехала на целый месяц тетка, сестра матери, с внуком и внучкой. Нет, весной, летом и ранней осенью на «Бельведере» — как Ксения и дед называли свою виллу — жизнь была вполне сносная. Хуже было осенью и невозможно — зимой, когда стальные дожди секли землю, расквашивали и делали непроходимой нижнюю проселочную дорогу. Только доктор Вовси и рисковал раз в неделю по-прежнему пробираться по ней. Время останавливалось. Любое дело валилось у Ксении из рук. Она ходила из комнаты в комнату, маялась, тосковала неизвестно о чем, приставала к деду с фантастическими и невыполнимыми просьбами и, наконец, успокаивалась, затихала, погрузившись в какую-нибудь книгу. Рояль, мебель и библиотеку Белопольские привезли из Петербурга, чтобы хоть родные вещи напоминали им о доме и скрашивали одиночество. Библиотека была фамильная, дедовская, мужская — книги все исторические или по военному делу. Вадим Николаевич, командовавший в свое время бригадой и дивизией, отличившийся при Горном Дубняке и Козулбеке в турецкую кампанию, собирался, пользуясь уединением, написать книгу, поделиться с потомством мыслями о сильных и слабых сторонах русской военной доктрины — для этого как подспорье и взял сюда многие сочинения. Все готовил себя к написанию мемуаров, все собирался — пока не началась мировая война. А кому интересны теперь соображения какого-то отставного генерал-майора по поводу событий, происходивших будто и вовсе на другой планете?

С началом мировой войны крымская жизнь Белопольских совершенно потускнела. К тоске прибавилось постоянное чувство томительной неизвестности и беспокойства: оба внука старого князя были на фронтах, известия от них приходили крайне редко. Виктор отличился в деле под Перемышлем, был произведен в штаб-офицеры, награжден орденом Владимира 3 степени с мечами и бантом. Андрей, отправившийся в действующую армию вольноопределяющимся, был ранен, впрочем не тяжело, поправился, сдал экзамены на первый офицерский чин и, отклонив

протекцию отца, вновь уехал на фронт. Дед гордился внуками, но был недоволен сыном. Это недовольство возросло после того, как Вадим Николаевич в сентябре 1916 года выбрался все же в Петербург. У себя дома на Малой Морской он застал «филиал» Государственной думы и за один вечер наслушался таких бунтарских речей, порочащих государя императора и государыню императрицу, что был повержен и словно раздавлен. Неудачи на фронтах, отставка Сухомлинова, продовольственные трудности и брожение в обществе, разговоры о германофильстве Александры Федоровны и ее окружения, все растущая ненависть к Распутину, неспособность царя довести войну до победного конца — все это потрясло старого князя Белопольского. Он возмущался было, спорил, доказывая, что Россия сильна крепостью престола, что критика государя императора, откуда бы она ни исходила, расшатывает престол и губит Россию. Аргументы сына и его единомышленников, факты, которые они приводили, заставили Вадима Николаевича замолчать, оскорбиться за идеи, которым он всегда служил верой и правдой, и в конце концов, почувствовав себя обкраданным и обманутым, обратиться в бегство. «Такое не должно, не может долго продолжаться», — решил он. А пока — прочь из страшного города в спокойное, ставшее привычным крымское захолустье.

Тогда и начала распадаться семья Белопольских. А с разгаром войны они и вовсе стали терять друг друга. Дед с Ксенией жили в Крыму, Николай Вадимович оставался в Петербурге, заседал в Центральном военно-промышленном комитете, ездил с комиссиями на фронт. Внуки воевали где-то.

Еще в 1915 году погиб сын Ариши, Иван, «молочный брат» Ксении. Они были одногодки, росли вместе лет до двенадцати — одно воспитание, одни забавы. Старик Белопольский, всю свою жизнь прошедший в казармах, лагерях, среди солдат, чуждый дворянской спеси, всячески поощрял дружбу детей. По-своему он любил мальчугана, крепкого, подвижного, доброго, наделенного острым, схватывающим все на лету жадным умом. Были у Вадима Николаевича мысли и о будущем Ивана. Ждал, выявится у того одна какая-то четкая, определенная способность. Хотел поддержать, помочь в ученье, помочь вырасти человеком. Николай Вадимович с улыбкой и полным безразличием выслушивал подобные планы отца: у него не хватало времени и охоты заниматься воспитанием и собственной дочери. Андрей с некоторым превосходством относился к Ивану: он был чуть старше. Один лишь Виктор не любил мальчика и активно осуждал эксперименты деда. По его твердому убеждению, рано или поздно мужицкое начало должно было проявиться в Иване, а там он, согласно общечеловеческим законам, должен был начать пьян-

ствовать и в пьяном виде ломать станки, жечь помещичьи усадьбы и уничтожать все дворянское отродье. И только для Ксении Иван был родным существом — ее руками и глазами, частью ее самой, хотя, конечно, мыслила она еще совершенно по-детски. Впрочем, Иван сам взялся решать свою судьбу и тем не допустил разлада в семье Белопольских. Так и не обнаружив поразительных способностей и не оправдав надежд Вадима Николаевича, он по достижении шестнадцатилетнего возраста и вопреки желанию матери определил себя в ученики токаря на Обуховском заводе.

С началом войны Ивана забрали в армию и, подучив чуток ружейным приемам, вскоре с маршевой ротой отправили на австрийский фронт.

Уехал солдатик Ваня — серая шинель, а повоевал недолго — убили в атаке. Об этом поведал его дружок окопный — появившийся в Петрограде в момент, когда там оказался старый князь, — раненый солдат, потерявший ногу во время неудавшейся под Перемышлем атаки. Когда дед рассказывал им о солдате, Ксении показалось, что Ариша точно предвидела эту смерть, ждала ее и не очень удивилась, услышав тяжкое известие. Но Ксения ошиблась, она просто не поняла состояния своей кормилицы. Та словно окаменела — ни слов, ни слез не было, а потом отошла, отревелась и замкнулась и всю свою материнскую любовь Ксении, второму своему ребенку, отдала. Она считала — ее ребенок, ею выкормленный, выпестованный, выращенный. Она и есть ее мать. А остальные так просто — родственники.

Ксении же в ту пору было не до Арины. Ксения переживала первую любовь. Поручик Святослав Шабeko был ненамного старше ее. После ранения он получил отпуск и выхлопотал разрешение приехать к отцу на его крымскую дачу. С Ксенией он познакомился случайно в Ялте. И даже не в Ялте, а уже на обратном пути, когда обоим вздумалось часть дороги проделать морем на катере до Симеиза. Они встретились на дебаркадере. Он протянул ей левую руку, когда она ступила на сходни. Правая рука поручика эффектно лежала в черном платке, повязанном вокруг шеи. И черное это пятно оттеняло узкое и бледное, шляхетское его лицо, с высоким выпуклым лбом и крупными локонами цвета старой меди.

Море штормило. Навстречу слабосильному пароходику вал за валом катились темно-синие волны с белыми завихряющимися гребешками. Мотор захлебывался, пыхал натужно. Нос пароходика то задирался, то нырял в междуволнье. Ксения чувствовала себя хуже и хуже: ее укачивало, тошнило. Пассажиров было мало — кто отправится на прогулку в такое время! — десяток человек всего и жалось за рубкой, туда реже залетали соленые брызги и меньше леденил тело холодный северо-западный ветер.

Один поручик как ни в чем не бывало стоял — романтичный, недвижимый, точно ростр, и зеленоватый офицерский плащ надувался за его плечами, как парус, как крылья. Раненый поручик казался Ксении прекрасным и мужественным.

В какой-то момент их глаза встретились. И Святослав, поняв, как нуждается эта девушка в помощи, в поддержке, просто в сочувствии, поспешил к ней. Он представился, щелкнул каблуками, склонил голову очень церемонно и торжественно. Здесь, на палубе, уходящей из-под ног, это выглядело странно, и Ксении показалось нелепо. Он сказал какие-то слова о нарушении правил, о том, что он никогда не позволял себе знакомиться на улице. И это «на улице» тоже показалось Ксении смешным и нелепым. Он думал, она отчитает его, скажет нечто обидное, уничижительное. Но Ксения улыбнулась и обрадовалась. И на миг почувствовала себя как будто лучше. Они познакомились и разговорились.

Внезапно налетевший шторм усиливался. Черная туча вылезала из-за гор. Потемнело. Пошел сильный дождь, затушевал берег. В Алупке причалить не удалось: деревянный пирс качало в одном ритме, пароход бешено танцевал около него в другом. Капитан, не то грек, не то румын, заявил пассажирам, что его машина не в силах справиться с волной и, так как обшивка старая — того гляди заклепки разойдутся и течь откроется, — он не вправе рисковать безопасностью вверившихся ему людей и решает возвратиться в Ялту.

На обратном пути перетрудившийся мотор зачихал, застонал и вдруг замолк. Забегали матросы. Капитан заявил, что распаялась малая, однако же наиважнейшая трубка, ведутся ремонтные работы, для беспокойства нет ни малейших оснований, ибо берег вот он, в полуверсте. Господам пассажирам, кои пожелают, приготовят горячее какао или чай для согревания. Капитан от волнения заговорил вдруг с еврейскими интонациями — был караимом, очевидно. Через час их взяла на буксир какая-то груженная без меры рыбой фелюга и еще часа через полтора притащила в Ялту.

Как только Святослав вывел Ксению на пристань и она ступила на твердую землю, тошнота и головокружение прекратились. Ярко светило солнце. На набережной было полно гуляющих. И даже только что грозные волны отсюда, с берега, казались маленькими, совсем не страшными. Ксения посмотрела на себя в зеркальце и ужаснулась. Вид у нее был действительно ужасный: бледная, мокрая, с ввалившимися глазами и растрепавшейся прической. К счастью, спутник ее оказался человеком находчивым. Он действовал, взяв на себя всю инициативу. И она с радостью подчинялась ему, словно они были знакомы целую вечность (позже он признался, что был таким впервые за свою жизнь).

Оставив ее на бульварной скамейке, Святослав тут же вернулся с извозчиком и отвез Ксению в частный пансионат, где она смогла отдохнуть, привести себя в порядок и перекусить. Ксения, предвидя волнение дома, отказалась ночевать в Ялте и ждать, пока успокоится море, и тогда он, снова исчезнув, вскоре вернулся с татаринном-возницей, которого сговорил везти их до Сименза.

О, это была прекрасная поездка! Ксения никогда не переживала ничего подобного! Она молила бога лишь о том, чтобы дорога никогда не кончалась. Похоже, бог внял ее просьбам: на дальней окраине Мисхора путь им преградил оползень, пришлось заночевать в домике у добрых людей, у старика и старушки, принявших их за молодоженов. Ветер унялся. Ночь была теплая, лунная, тихая. И всю ночь они проговорили, сидя на крыльце, возле которого часовыми стояли два пирамидальных тополя. Святослав рассказывал о себе, своей семье, годах учебы, войне. О войне и своем участии в ней он говорил как-то по-особому, не так, как все ее знакомые очевидцы и участники боев. Он точно со стороны смотрел на все и на себя самого, присматривался к себе внимательно, с юмором и осуждал себя, когда требовалось, и издевался над собой, интеллигентным мальчиком, профессорским сыном, романтиком, попавшим в окопы, где грязь, грубость и всеобщая глупость разили его сильнее, чем немецкая шрапнель и «чемоданы». По его словам выходило, что война — величайшая несправедливость в отношениях людей, причисляющих себя к просвещенному обществу.

Так пришла к ним любовь, хотя в ту благостную ночь о ней не было сказано ни слова. И оказалась эта любовь, как внезапно вспыхнувший огонь в сухом валежнике, трепетной, нежной и тайной вначале, а потом сильной, страстной, бесстрашной и бесстыдной, окрашенной близкой и острой разлукой. По счастливой случайности дача профессора Петербургского университета Виталия Николаевича Шабеко, отца Святослава, находилась относительно недалеко, и молодые люди могли встречаться ежедневно. Рано поутру, преодолев пять километров тропинкой, петляющей по скалам над морем, Святослав приходил в условленное место и ждал там Ксению. Чаще всего на знаменитой скале Ифигения, которая стала «их скалой», — отсюда с высокого утеса открывался неповторимый вид на изрезанную береговую линию, на запад и восток и далеко в море, которое распахивалось широко, казалось до самой Турции. Святослав рассказал, что со скалой связан древнегреческий миф о дочери Агамемнона, и это придавало их встречам здесь еще большее очарование и таинственность. Они подолгу сидели на вершине, спускались в песчаную бухту, бродили по вековому можжевельниковому лесу и расставлялись лишь тогда, когда Ксении нужно было идти обедать. Ксении